

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДАВНО ОЖИДАЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД*

Новую работу Д.В. Ольшанского – фундаментальную монографию “Психология масс” – выпустило в серии “Мастера психологии” издательство “Питер”. Автор рассмотрел в ней особенности психологии масс в отечественном социуме на одном из двух переломных этапов истории России XX в. – заключительных 15 ее годах (привлекая при этом сведения и об открывающих столетие столь же бурных первых 20 годах), причем во всеоружии современных знаний из области самых различных отраслей психологии; он осуществил свой анализ и методом “включенного наблюдения” (едва ли не впервые в отечественной психологии и социологии примененным его отцом, недавно скончавшимся видным отечественным социальным психологом В.Б. Ольшанским), сам участвуя в качестве эксперта и консультанта в политических кампаниях, будучи директором созданного им Центра стратегического анализа и прогноза. Все это подтверждает достоверность его академических выводов.

Книга состоит из трех частей – “Массы”, “Массовые настроения” и “Массовые психологические явления”, введение и заключение при этом носят достаточно формальный характер. Принцип ее построения, таким образом, от общего – к частному, от абстрактного – к конкретному. Это правомерный и плодотворный подход. И все же хотелось бы видеть сущностно “обогащенное” понятие “массы” в конце книги, тем более что соответствующий материал имеется в главе 5-й первой части, где автор утверждает тезис о сохраняющейся “неравномерности развития, изначально заданной праисторией человечества” (с. 110), а следовательно, и о “новых факторах как дальнейшей индивидуализации, так и новой массовизации человеческой психики” (там же). Столь мощные выводы и предположения “просятся” в конец книги, но автор не поместил их там не без некоторого умысла. Дело в том, что массовизация может происходить как раз через индивидуализацию, и наоборот. Не зря ведь Дэвид Рисмен, цитируемый в книге, еще в 1950-х гг. XX в. назвал наиболее индивидуализированное американское общество “Толпой одиноких”! А книга почему-то не процитированных Адорно с соавторами “Авторитарная личность” (недавно она вышла в русскоязычном переводе) – работа, вопреки ее названию, как раз

о массах, а не о личности. На наш взгляд, понятия “массовизация” и “индивидуализация” находятся скорее в диалектическом соотношении взаимодополнительности–комплементарности, а не взаимного вытеснения.

Не рискуя состязаться с автором в уровне компетентности и обладания поистине уникальными знаниями о динамике психологии масс, сделаем следующее замечание для подтверждения нашего тезиса: в самом начале перестройки поход за свободой каждого оказался как раз массовизированным... Не потому ли так трудно обнаружить следы социально конструктивного индивидуализма в отечественном социуме – на фоне едва ли не зоологического индивидуализма пресловутых “новых русских”?

Автор в первой части монографии правомерно ставит вопрос о том, что первично: индивид или масса? – и корректно отвечает на него, замечая, что определенная потребность приводит индивида в массу, но он может и выйти из нее – или с новым опытом, или с хроническими изменениями психики (с. 38).

Ольшанский четко типологизирует такую эмацию массы, как *толпа*. Он всесторонне рассматривает феномены и функции обезличивания, выделения вожаков (лидеров, героев), детально анализирует дихотомию “мы” и “они”. Но хотелось бы более четко увидеть как раз индивидуализированные профили массы. На наш взгляд, профили эти очень разные. Мы свидетели: массы пораженных событиями американцев 11 сентября в Нью-Йорке явно отличались от масс “радующихся”, по крайней мере на телевизионной “картинке”, арабов... И в историческом аспекте массы разнятся куда сильнее: так, рецензенту представляется, что масса в античных Афинах была куда интереснее, чем современные индивидуализированные сообщества с высоким уровнем дифференциации интересов.

Вторая глава посвящена анализу массовых настроений – теме, в которую автор внес оригинальные вклады, причем еще до того, как динамика настроений в России приобрела трудно предсказуемый характер. Отсюда глубина его выводов о специфике массовых настроений в современных условиях и настроениях “человека массы”. Между этими социально-психологическими феноменами существует “дьявольская разница” (как сказал Пушкин, отличая просто роман

* Рец. на кн.: Д.В. Ольшанский. Психология масс. Сер. “Мастера психологии”. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 363 с.

от романа в стихах). Ибо если первые можно трактовать (хотя бы как “затравки” к дискуссии) в качестве относительно новой и самостоятельной силы в политике (с. 146), то вторые предстают в качестве иного фактора – как “не устоявшиеся, осознанные позиции, а быстро увлекающие настроенческие факторы, проистекающие из изменений условий производства и жизни, характера потребностей и возможностей их удовлетворения, а также общего нарастающего динамизма жизни” (с. 152).

Особо ценен в книге конкретный и вдумчивый анализ динамики массовых настроений в революциях, контрреволюциях и “перестройках” (превращениях первых во вторые?) в Чили, Иране и СССР (на поставленный в скобках вопрос есть в книге и ответ: автор считает перестройку “превентивной мерой для предотвращения саморазрушения прежнего самосознания общества”, с. 229). Что касается перестройки, то ее итогом стало “расслоение массовых настроений в обществе” (там же) – феномен, оцениваемый автором (и рецензентом тоже) скорее положительно, чем отрицательно.

Жаль, что в книге автор “не дописал”, к чему все пришло ко времени ее выхода – началу нового века и даже тысячелетия. Но как ученый он высказалась вполне однозначно: “В целом массовые настроения реально оказываются важнейшей макроформой психологии масс, активно влияющей на организацию социально-психологических процессов – наиболее ярких, демонстративных и принципиально важных для общественного бытия человека. Массовые настроения – это наиболее энергичный и действенный компонент психологии масс” (с. 236). Полнее и лучше не сказать...

Часть третья будет интересна и полезна не только психологу-теоретику, но и психологу-практику – да и любому практику! При этом содержание ее носит *инструментальный* характер, т.е. изложенный материал можно применить ко многим конкретным ситуациям. Автор образно и своеобразно замечает, что это некая крыша, покоящаяся на фундаментальном здании научно-психологических знаний о толпе. Действительно, многочисленные “руководства” по психологии рекламы, *public relations*, моды и т.п. без подобного фундамента мало чего стоят. По крайней мере в научном плане, хотя “угадываемые” эффективные средства психологического воздействия на “пипл” – как ныне (квази)простоудушно, а по сути оскорбительно выражаются в адрес народа – в них и содержатся. Но Ольшанский – блистательный практик, и это видно хотя бы по его психоанатомическому разьяснению феноменов сплетен и слухов. Феноменов далеко не безобидных, тем более что “технологии” их производства стали едва ли не почетным занятием со стороны ма-

локомпетентных, но многокорыстных “профессионалов”.

И несколько критических замечаний. Хотелось бы обратить внимание автора: несмотря на “разницу в весе”, т.е. глубине анализа и ширине охвата темы в его пользу, не следует игнорировать ряд разработок отечественных политологов прошлого относительно психологии масс. В частности, Н.В. Устрялова, описавшего феномен “Восстания масс” даже раньше, чем Ортега-и-Гасет: одноименная книга испанского автора выходила отдельными выпусками в 1929–1930 гг., а книга “Итальянский фашизм”, где похоже трактовался сходный феномен, вышла в 1928 г., правда, в далеком Харбине; в 1933 г. там же вышло другое его классическое политологическое исследование “Германский национал-социализм”. Устрялов – скорее идеолог сменовеховства, чем классический политолог; с 1920 г. он – эмигрант, в СССР вернулся в 1935 г., чтобы в 1937 г. “сгинуть” в лагерях. Две, на взгляд рецензента, классические работы по анализу массовых движений XX в. на Западе и более ранняя книга “В борьбе за Россию” (1920) о революционных “подвижках” в Отечестве – с учетом их политической, психологической, идеологической и других составляющих – заслуживают самого глубокого внимания не только историков, но и психологов.

И еще одно. Г. Тард признавал приоритет Н.К. Михайловского в открытии феномена подражания (см.: Г. Тард “Личность и толпа”. СПб., 1903, с. 137; сложная и богатая идеями их полемика проанализирована Е.А. Будиловой в книге “Социально-психологические проблемы в русской науке”. М., 1983, с. 207 и др.) – и есть более чем достаточно оснований утверждать, что он делал это не только в силу присущей французам галантности: мысли отечественного представителя *субъективной* школы в *социологии* (оценим сочетаемость понятий в самом ее названии) оригинальны и первичны в данном и других отношениях (несмотря на словесную чрезмерность Михайловского в их обосновании и выражении). В изложении же Ольшанского приоритеты отводятся Тарду (с. 83 и др.).

Из русских писателей, описывающих “русскую душу” как особое состояние массовой психологии, автор останавливается только на творчестве Достоевского (почему-то первая книга – “Идиот”, а вторая – “Игрок”; см. с. 131). Но не меньше ли оригинальных идей по психологии масс и у Толстого, особенно в его анализе реверсных их движений с запада на восток и с востока на запад, изложенном в эпилоге “Войны и мира”? Или у такого оригинального наблюдателя психологии крестьянских масс, как Глеб Успенский? И только ли у них?

Рецензент мало сомневается, что у автора нашлись бы доводы в пользу *своего* видения и выбора источников. Это не отменяет того обстоятельства, что книга может служить поводом для другого плана дискуссий, причем еще более острых. Но ведь это и прекрасно! Остается только подчеркнуть: книга Д.В. Ольшанского – давно ожидаемый (в аннотации указано, что в отечествен-

ной литературе за последние сто лет новая книга по психологии масс издается впервые) и весьма креативный труд. Доказательством чего и является побуждение к дискуссиям по самым разным темам и направлениям.

И.Е. Задорожнюк
канд. филос. наук, Москва

ИНФОРМАЦИЯ О НОВЫХ КНИГАХ

СЛОВАРЬ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Настоящий “Словарь” является первым опытом создания словарей авторской концептуальной системы выдающихся ученых-психологов. Он составлен коллективом студентов и аспирантов факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова под редакцией проф. А.А. Леонтьева. Объем словаря – около 12 авторских листов.

Словник “Словаря” включает 183 словарных статьи. В каждой статье приводятся (в хронологическом порядке, в сокращении) все определения соответствующего термина, данные в работах Л.С. Выготского или значимые контексты, в которых достаточно полно раскрывается значение данного термина. “Адрес” соответствующего фрагмента приводится в виде условного индекса плюс номер страницы. В конце статьи даются отсылки к другим терминам (другим словарным статьям). Приведем пример словарной статьи:

Внутренняя речь. Речь, с помощью которой человек мыслит (...). Есть основание полагать, что процесс ее образования завершается только в школьном возрасте (1.5.7, 124) (...). Способ мышления, (...) внутренняя форма поведения, особая форма деятельности детского интеллекта. (1.5.12, 202). Внутренняя речь строится совершенно иначе, чем речь внешняя. В ней иное отношение между фазическими и семантическими моментами.

Внутренняя речь абстрактна в двух отношениях: а) она абстрактна в отношении всей звучащей речи, т.е. воспроизводит только семасиологизированные фонетические черты ее (например: три *ррр* в слове *ррреволюция...*), и б) она аграмматична, всякое слово в ней предикативно. Грамматика ее иная, чем грамматика семической внешней речи: во внутренней речи значения связываются между собой иначе, чем в речи внешней; слияние во внутренней речи совершается по типу агглютинации.

(...) Влияние смыслов: слово в контексте и ограничивается и обогащается, слово вбирает в себя смысл контекстов = агглютинация. Последующее слово содержит в себе предыдущее. (1.1.9, 163).

См. *Агглютинация, Значение, Мышление, Речь внешняя, Слово, Смысл.*

Рукопись включает в себя следующие разделы: 1. Введение. 2. Вступительная статья о Л.С. Выготском (перепечатанная с разрешения “Психологического журнала” статья А.А. Леонтьева. “Ключевые идеи Л.С. Выготского – вклад в мировую психологию XX столетия” (“ПЖ”, 2001, № 4)). 3. О целях, задачах, структуре и методах составления “Словаря”. 4. Словарные статьи (окончательная работа над их составлением была осуществлена А.В. Степаносовой и А.А. Леонтьевым). 5. Указатель источников (от цифрового индекса к библиографии).

“Словарь” рассчитан на профессиональных психологов и студентов; может использоваться как справочник и учебное пособие.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Это второй сборник статей по материалам ежегодных симпозиумов по смыслу жизни, которые с 1995 г. организует научно-исследовательская группа “Психология общения, развития и реабилитации личности” ПИ РАО. В первый сборник, вышедший в 1997 г. тиражом 250 экземпляров, вошли материалы I–II симпозиумов. Второй сборник издан 1000 экземплярами, готовятся к выпуску материалы VI–VII симпозиумов.

В программной статье ко второму сборнику – “Пятилетие поиска” – один из главных организаторов симпозиумов В.Э. Чудновский, подводя итог работы за эти годы отметил, что более 70 лет в нашей науке проблема смысла жизни не считалась актуальной, о ней умалчивалось в учебниках педагогики и психологии, определения понятия “смысл жизни” не было в психологическом и философском словарях, в философской энциклопедии. После перевода книги В. Франкла “Человек в поисках смысла” (1990) и издания антологии произведений русских философов конца XIX – начала XX вв. “Смысл жизни” (1994) стало заметным активное обращение наших современных ученых к данной теме.

Первый раздел сборника – “Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни” открывают статьи, рассматривающие общепсихологические и онтологические проблемы смысла жизни: “О двух парадигмах анализа